

Валерия Мухина, Андрей Хвостов

ОТЧУЖДЕНИЕ ОТ СЕБЯ: БЛУД, ОПУСТОШАЮЩИЙ ПРАВСТВЕННОЕ ЧУВСТВО

Аннотация. В статье анализируется блуд как телесная, душевная и духовная распущенность. Показано, что истребление плотских вожделений насаждает духовные желания, что блуд произрастает из телесной природы человека. Показана амбивалентная сущность человека – двоичное его отношение к своим страстям, при этом каждый сам выбирает для себя сущностные ориентиры. Анализируется любодействие и словоблудие как вариант аддиктивного поведения. Блудник – частичная, парциальная личность. Блуд – порок культуры и порок конкретного человека.

Ключевые слова: блуд, блудная страсть, прилоги, помыслы, страсти; культура нормативов; культура противостояния нормативам; амбивалентность человеческой сущности; блуд как вариант аддиктивного поведения; отчуждение от себя посредством блуда; блудник – парциальная личность; блуд – порок культуры и порок конкретного человека.

Abstract. This article gives an analysis of fornication as bodily, mental and spiritual turpitude. There is shown, that extermination of carnal lust implants spiritual desires that fornication stems from bodily nature of man. It shows the ambivalent nature of man: his binary attitude toward his passions and each one chooses for himself the essential points. Whoredom and verbiage are considered as a type of addictive behavior. A fornicator is presented as a partial personality, fornication as a cultural and individual sin.

Keywords: fornication, sexual lust, “prilogi”, thoughts, passions, culture norms, culture of confrontation norms; ambivalence of human nature; fornication as a type of addictive behavior, alienation through fornication; fornicator as a partial personality, fornication as a cultural and individual sin.

Бегайте блуда.

1 Кор. 6:18

*Блуд, вино и напитки завладели
сердцем их.*

Ос. 4:11

Ибо дух блуда ввел их в заблуждение.

Ос. 4:12

Блуд есть
распущенность
телесная, душевная,
духовная

Блуд – вторая страсть.

Человечество постепенно, тысячелетиями, постигало идею блуда как распущенности телесной, душевной и духовной.

Второй порок –
блудная страсть

Блуд в народном понимании этого слова – уклонение от прямого пути. Церковный или книжный смысл: незаконное, безбрачное сожитие, людоедство. Слово это срамное. Посему, как писал Вл. Даль, слова этого лучше в общежитии избегать. Блудный – любодейный, распутный, развратный, нравственно блуждающий. Блудник – любой прелюбодей. Блудодей и другие смежные слова этого рода, согласно Вл. Далю, понятны без объяснений и непристойны.

Тем временем в Библии используются такие слова, как блуд, блудилище, блудить, блудник, блудница.

Святые Отцы вторым пороком человека после чревоугодия называли блудную страсть. Они порицали сластолюбие, блудные помыслы, невоздержанный ум. Они наставляли на целомудрие. Ответы на свои вопросы святые Отцы искали в Библии.

Св. Иоанн Кассиан писал: «Вторая у нас, по преданию Отцов, борьба есть – с духом блуда, – борьба паче других долгая, всегдашняя, и весьма не многими начисто препобежденная, – брань лютая, которая начинает бороться с первого возраста зрелости, – и не престаёт прежде препобеждения прочих страстей» [1].

Наставления Св. Иоанна Кассиана, как и всех Отцов, касаются прежде всего монахов, от которых ждут воздержания и подавления любых образов женщины. Св. Иоанн Кассиан наставлял: «Качество помыслов, которое среди развлечений дня не совсем тщательно охраняется, обнаруживается во время ночного покоя; и потому, когда случилось сказанное наругание, то в этом не сон должно почитать виновным, а не хранение внимания в предшествующее время, и видеть в сем обнаружение скрывающейся внутри болести, которую ночной час не породил впервые, а только скрытую во внутренних фибрах души вывел на поверхность кожи, во время подкрепления тела сном, обнаруживая внутренний лихорадочный жар страсти, который сами мы возжгли, питаясь в продолжение всего дня не добрыми помыслами» [2].

В послании Апостола Павла к Колоссянам сказано: «Итак, умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которые есть идолослужение» (Кол. 3:5). Апостол взывал истреблять тело греховное, о коем в другом месте говорит: «Ветхий наш человек распят с Ним (Иисусом – В. М.), чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху» (Рим. 6:6).

Упразднение блуда
заповедовали
апостолы

Упразднение греховной плоти и заповедует Апостол. Умертвить уды, значит упразднить *блуд, нечистоту, страсть, плоть злую и лихомание, которые есть идолопоклонство*. «Первый член – *блуд*: это грех плотского незаконного совокупления; второй член – *нечистота*, которая без всякого прикосновения к женщине иногда случается во время сна или во время бодрствования; третий член – *страсть*, которая, находясь в сокровенности души, может воспламениться и не по действию похотения в теле; четвертый член – *похоть злая*, которая может относиться не только к вышесказанной страсти нечистой, но и вообще ко всем пагубным вожделениям и которая есть только болезнь развращенной воли; последним членом греховного тела ставит Апостол *лихомание*, внушая, что не только должно воздерживаться от пожелания чужих вещей <...>, то следует, что таким же образом можно погасить и блудное разжение» [3].

К блуду Апостол Павел относил и *сквернословие, и буйное слово, или кощунство*: «А блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас, как прилично святым. Также сквернословие и пустословие и смехотворство не приличны вам, а, напротив, благодарение; Ибо знайте, что никакой блудник, или нечистый, или любостяжатель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в Царстве Христа и Бога» (Еф. 5:3–5).

Истребляя плотские
вожделения,
насаждать желания
духовные

Св. Иоанн Кассиан хотел, чтобы человек, истребляя плотские вожделения, мог бы насадить в сердце своем желания духовные, «чтобы дух наш, всегда стремясь к предметам их, не имел ни охоты, ни времени обращать внимание на прелести преходящих радостей земных» [4].

Преподобный Нил Синайский предупреждал: «Блуд берет в соинствование себе пресыщение, становится в ряд противников ума и до конца сражается против него <...> Всего опаснее, если сердце погрязло в навывке к сладостям похоти; и потребно много трудов, чтобы сию нажить (страстную) подсесть под корень. Не приучай *помыслы* (выделено мною – В. М.) входить собеседование с сладостями похоти, потому что в сонме страстных мыслей и движений разгорается огонь (Пс. 105:18). Они, разгоряча тебя, заставят думать, что трудно удерживать огонь естества, что не в силах ты долее делать насилье естеству, – и что хотя сего дня согресишь по нужде, но завтра покаешься по заповеди... Смотри, человек воздержания, под предлогом покаяния не обольщайся неизвестными надеждами... Почему знаешь ты, человек, будешь ли жив, и покаешься ли, что назначаешь

Необходимость
усмирять
похотствующую
на духа плоть

себе годы жизни? – Падая от этого, ты поблажаешь плоти своей... В людях от дорогих яств не насытимая похоть любодейства всеяла неистовые пожелания» [5]. Преподобный Нил Синайский предупреждал: «Не обольщайся неизвестными надеждами».

Отдельно хочу указать на важный и для современного человека постулат: «Если похотствующую на духа плоть усмиришь подвижническими трудами, то за пределами сего века будешь иметь славу, обещаемую изречениями о блаженствах, как победивший в брани того, кто в теле твоём *противоюет закону ума* твоего, и пленяет тебя *законом греховным, сущих в уделах твоих*» [6]. Засим Преподобный Нил Синайский отсылает нас к Библии: «Итак, тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотию – закону греха» (Рим. 7:25).

О борьбе с блудною страстию помышляли так же Св. Ефрем Сирианин и Св. Иоанн Лествичник.

Св. Ефрем Сирианин предупреждал: «Сластолюбивый при встрече женщин делается весел и привлекается красотой их; телесная доброцветность сводит его с ума, восхищает... очаровывает... и в беседах с женщинами тает он от удовольствия; при воспоминании увиденного похотливо мечтает, живо представляя в уме женские лица, страстные их выражения, обворожительные улыбки, мановение очей, нарядность одежд, льстивые речи, сжатие губ. С мужчинами ему скучно; а если увидит женщин, просветляется, бегаёт взад и вперед, чтоб оказать свои услуги; тогда откуда берется у него и голос к пеню, умение сказать острое слово, посмеяться и показать себя занимательным и приятным» [7]. Так соблазнительны описания Святого Ефрема Сирианина, что волной поднимается сочувствие: бедный, бедный святой Отец – сколь много он знал соблазнов, которые ему как и всякому иному человеку предстояло преодолеть.

«Насыщение чрева
есть мать блуда»

Св. Иоанн Лествичник так же как и другие Отцы считал, что «насыщение чрева есть мать блуда» [8]. Он же писал о том, что «начало чистоты бывает, когда помысл не слагается с блудными *прилогами* (курсив наш – В. М.)» [9].

От прилогов
к страстям

Далее Св. Иоанн Лествичник открывал тем, кто внимал ему по поводу движения души человека от прилогов к страстям. Он писал: «Рассудительные Отцы полагают, что иное есть *прилог*, иное – *сочетание*, иное – *сосложение*, иное – *пленение*, иное – *борьба*, а иное – так называемая *страсть* в душе. Они определяют, что *прилог* есть простое слово (мысль), или образ какого-либо предмета,

вновь являющийся уму и вносимый в сердце; *сочетание* есть собеседование с явившимся образом, со страстию, или бесстрастно; *сосложение* есть склонение души к виденному, соединенное с услаждением; *пленение* есть насильственное и невольное увлечение сердца увиденным, или совершенное его с ним слитие, разоряющее наше доброе устройство; *борьбу* называют усиленное сопротивление борящему, кончающееся или победою, или поражением, – произвольно; а *страстию* называют такое похотливое расположение, которое, вгнездившись в душу, соделывается потом чрез долгий навык, как бы природным ее свойством, так что душа уже произвольно и сама собою стремится к удовлетворению его. Из всех сих первое безгрешно; второе – не совсем; третье бывает или грешно или безгрешно, судя по устройению подвижащегося. Борьба бывает виною или венцом, или мучений. Пленение иному подлежит суду, когда случается во время молитвы, и иному, когда бывает в другое время, – иному при помышлении о вещах худых. *Страсть* же, несомненно, во всяком случае осуждается, и, если не будет очищена равносильным покаянием, подлежит вечному мучению. Но кто к первому, то есть прилогу, относится бесстрастно (отвергает его, не останавливаясь на нем вниманием), тот одним разом отсекает все последующее» [10].

Набеги мысли,
внушающие страсть

Св. Иоанн Лествичник отсылает нас и к другим просвещеннейшим и рассудительнейшим из Отцов. Они заметили еще иной *помысл*, который утонченнее всех названных выше. Этот помысл называют *набегом мысли*, – который без определенного времени, без слова и образа внушает искушаемому страсть. Этот помысл одним тонким напоминанием, несказанным и даже неведомым, – вдруг являет свое присутствие в душе.

Св. Иоанн полагал: «Кто плачем возмог постигнуть (понять, уразуметь) такую тонкость сего помысла, тот может объяснить нам и то, как бывает, что душа от одного взгляда, или прикосновения руки, или слышания пения страсти, блудствует (оскверняется и растлевается похотью) не думавши о том и не замышлявши того.

Иной раз похоть, родившись внутри души, переходит и в тело, а иной раз от тела переходит она в душу» [11].

Многомудрый Св. Иоанн Лествичник сообщал: «Узнал я, что бес уныния предшествует бесу блуда и уговоряет ему путь» [12]. Бесу блуда содействует при этом самолюбие, самоугодие и саможелание.

О прилогах и их сдружении (сочетании), о собеседованиях с помыслами писал также К. В. Зорин, который

предупреждал о плотских страстях: от самого человека зависит поддаться на искушение или нет [13].

О борьбе со страстью блуда святыми Отцами написано немало мудрых суждений, которые обогащают наш ум, наши нравственные чувства, наш опыт. Блуд разрушает тело, психику и нравственность человека. Душа блудника опустошена, пресыщена и *отчуждена* не только от других, но и от самого блудодея.

Не допустить себя до страсти блуда

Не допустить себя до страсти блуда – показатель нравственной культуры человека.

Каждому из нас не вредно задать себе вопрос: умею ли я быть воздержанным в своих сексуальных влечениях, не подвержен ли страсти блуда?

Наставления святых Отцов так понятны нам еще и сегодня – хотя прошли многие и многие века с тех пор, как Отцы наставляли юношей и монахов... Конечно, некоторые суждения Отцов церкви сегодня воспринимаются нами как святая наивность – сегодня многое изменилось в сознании людей в отношении сексуальной жизни. Однако в наставлениях святых Отцов много мудрых мыслей, которые актуальны для нас сегодня, так же как и для ушедших поколений.

Человек *открыл*, что блуд – греховная страсть.

И тем не менее...

Почему мы, человеки, подчас не можем и не хотим устоять перед предвкушением блуда?

Всему начало прилоги

Всему начало *прилоги*.

Почему мы плохо рефлекслируем на возникающие в нашем сознании и в сфере наших чувств *прилоги, смутные помыслы, набег образ и мыслей*? А если даже рефлекслируем, то почему не пресекаем их тотчас?

Чревоугодие и блуд произрастают из телесной природы человека

О чревоугодии и блуде в нашей человеческой культуре много знаний. К чревоугодию и блуду много противоречивых отношений, много амбивалентных суждений и эмоций.

Обе эти страсти изначально произрастают из нашей телесной, естественной природы.

Насыщаться, чтобы жить.

Размножаться, чтобы продлить род.

Это изначальная, природная данность. Однако и в природе животные осуществляют поиск лучшей пищи, чтобы насытиться; осуществляют поиск более привлекательного самца или самки, чтобы воспроизвести и усовершенствовать следующее поколение. Так задумано самой природой...

Ч. Дарвин проделал огромный труд, посвятив его изучению природы полового отбора. Он показал, что

путем полового отбора развиваются сила и сметливость самца, его храбрость и драчливость, его пылкость, наконец [14].

Создав нормативы, человек попал в узы долга

Человек вышел из природных отношений. Он создал предметный и образно-знаковый мир. Человек обозначил словом рукотворный и природный мир. Человек обозначил словом «хорошо» и «плохо» социальные ожидания, сформулировал для себя «добро» и «зло»... И понял, что тесны для него рамки табу, нормативов и заповедей. *Создав нормативы, человек попал в узы долга.* Но амбивалентная суть человека в том, что он, создавая табу, нормы поведения и социальных ожиданий, в то же время очень часто ищет свободу от любых уз.

Культуре нормативной сопутствует культура противостояния нормативам

Культуре нормативной, заповедной жизни всегда сопутствует культура противостояния. Предок человека лишь в доисторические времена был существом до конца природным, проявляющим свою активность по типу животных. Став существом историческим, социально-историческим, человек постепенно видоизменил себя до нового качества.

Это качество – *психическая амбивалентность*, которая вводит в сознание и эмоциональную сферу противоречивые прилоги, помыслы, мысли, мотивы, а также эмоции и страсти. Психическая амбивалентность закрепляется словом.

Сущностную амбивалентность души обсуждал еще Бенедикт Спиноза в своем самом знаменитом труде, посвященном *этике*. Так, он исходил из постулата о том, что человеческое тело может подвергаться многим состояниям, которые увеличивают или уменьшают его способность к действию.

В своих теоремах он писал: «Душа наша в некоторых отношениях является активной, в других – пассивной, а именно: поскольку она имеет идеи адекватные, она необходимо активна, поскольку же имеет идеи неадекватные, она необходимо пассивна» (Теорема 1) [15].

И далее: «Душа имеет ли идеи ясные и отчетливые или смутные, стремится пребывать в своем существовании в продолжение неопределенного времени и сознает это свое стремление» (Теорема 9) [16]. И еще: «Мы стремимся способствовать совершению всего того, что, по нашему воображению, ведет к удовольствию, и удалять или уничтожать все то, что, по нашему воображению, ему препятствует или ведет к неудовольствию» (Теорема 28) [17]. Б. Спиноза показал некую амбивалентность устройства души человека и стремление человека к удо-

вольствию. Однако далее Б. Спиноза ушел в сторону от столь значимой проблемы...

Понимание амбивалентности человеческой сущности еще не далось нам во всей ее феноменологической полноте

Понимание амбивалентности всей человеческой сущности еще не стало ключевой проблемой исследователей, не далось нам во всей ее феноменологической полноте. Побуждение мысли в отношении феноменологии амбивалентной сущности психики человека, его мотивов и чувств требует отдельных усилий и специального внимания. Каждое проявление человека, каждая его страсть имеет амбивалентные истоки.

Двоичное отношение людей к своим страстям

Вернемся к обсуждению чревоугодия и блуда как первых страстей человека, выявленных еще Апостолами и их последователями святыми Отцами – древними мыслителями. Рассматривая чревоугодие и блуд с точки зрения библейских Апостолов и Афонских старцев, нельзя не увидеть, что *в нашем человеческом сознании, – в Великом идеополе общественного сознания, – реально сформировано двоичное, амбивалентное отношение к сим страстям человеческим.* Отношение святых Отцов мы уже прояснили.

Параллельно этому отношению наряду с народной смеховой культурой, изобличающей обжорство, чревоугодие и блуд, возникает особая культура художественного осмысления противоположной добродетели сущности человека.

В Индии, Китае, Японии, как известно, была своя особая культура сексуальных отношений, о чем свидетельствуют древние книги, графика и скульптура, о чем свидетельствуют и современные монографии ученых и писателей.

Внимание к любви телесной

В Древней Греции – также были особенные свидетельства внимания людей к любви телесной, к эротике. Платон объяснял эрос как вождение, как зверя [18]. Помимо понятия об *эросе*, греки породили понятия *стерго*, *филиа* и *агапэ*. Позднее в Новом Завете филиа и агапэ получили новые значения и смыслы*.

* *Агапэ* (греч.) означает возвышенную любовь.

Агапэ в НЗ означает истинную любовь в широком смысле этого слова: Л. Бога к людям (Ин. 3:16) и проистекающую из нее Л. людей друг к другу (Мф. 22:39), а также Л. к врагам (Мф. 5:44), Л. мужчины к женщине (Еф. 5:25, 28, 33).

Филиа (греч.) – сердечная привязанность, дружеская любовь.

Филиа означает сердечную привязанность, чувство нежности (Лк. 7:38, 45; 15:20; 22:47; Деян. 20:37). Это Любовь Бога Отца к Иисусу (Ин. 5:20), любовь между родителями и детьми (Мф. 10:37).

Стерго (греч.) – любовь к родителям, детям, отечеству.

Но здесь мы обращаемся к эротизму.

Эрот в древнегреческой мифологии – божество чувственного начала в человеке. Эротизм, эротический – понятия, отражающие половую возбудимость, сексуальность, побуждающие соитие.

Эротизмом древние греки называли телесную любовь.

Платон писал о влечении между мужчинами и женщинами, о любви мужчин к юношам. Он указывал на то, что *от этих влечений «проистекают несметные беды как для отдельных людей, так и для государства»* [19]. Платон писал о пагубных влечениях, которые вредят всем участвующим сторонам: «Ведь кто вожделеет тела и алчет цветущей юности, словно созревшего плода, тот стремится ею насытиться; он вовсе не ценит душевных свойств своего возлюбленного. А у кого вожделение к телу является чем-то побочным, тот скорее созерцает, чем вожделеет, так как душой страстно стремится к душе другого и считает бесспорной дерзостью удовлетворять свое тело телом любимого. Он стыдливо чтит рассудительность, мужество, великодушие и разумность, и единственное его желание – это всегда хранить чистоту вместе с таким же чистым своим возлюбленным» [20].

Те же мысли развивал Аристотель и внушал их своему ученику Александру (Македонскому). Аристотель писал о страстях и злых поступках, прежде всего о блуде и разврате (*moikheia*) [21].

Древние философы предупреждали о вреде одержимости эросом

Древние греческие философы много рассуждали о страстных влечениях, предупреждали молодежь о вреде одержимостью эросом, но при этом греки не карали своих соотечественников.

Позднее благодаря христианским аскетическим воззрениям жестко порицалось «блудное жжение плоти». Благодаря нравственным запретам, осознавая греховность плотских наслаждений, множественное число представителей рода человеческого антагонистично к «должно» распаляло отношение к эротике. Человек противостоял долгу и не только позволял себе плотские наслаждения, но и возвел их через мифы, сказки и литературу до уровня эстетического восприятия, когда эротика превозносилась утонченным словом, изображением, намеком.

Эротика одновременно занимала высоты художественного ее описания и была осуждаема богословами и светскими моралистами.

Эротизм входил в канву многих произведений античности, средневековой лирики трубадуров, писателей – от Дж. Боккаччо, Дж. Чосера, П. Аретино и др.

В средние века в Италии создавались одно за другим эротические произведения на потребу публике. Средневековые комические поэты посвящали рискованные сонеты эросу. Таковы были Рустико ди Филиппо и Чекко Анджольери, Франко Саккетти... всех не перечесать.

Идеи
одухотворенной
любви

Между XI и XV веками в Западной Европе возникло еще одно, принципиально новое, отношение к любви. Оно изменило сознание европейцев, одухотворив любовь. Речь идет о куртуазной любви, которая начала развиваться в пределах куртуазной литературы*, которая наибольшее распространение получила во Франции и в Германии. Антиаскетическая, светская по духу, куртуазная лирика провансальских трубадуров опиралась на народные поэтические приемы и образы. Куртуазная литература породила ряд выдающихся писателей. В поэмах и романах превозносилась куртуазная любовь, прославлялись страдания на почве земной любви. Наивысшим счастьем считалось испытывать неразделенную любовь и неутоленную страсть. Вокруг любви возник своеобразный культ.

Идеи платонической
и телесной любви

В XIII и XIV веках в европейской литературе становится модным культ платонической любви.

Но параллельно и в противовес этой романтической традиции утверждалась другая любовь – телесная, физиологическая. Ее утверждали как телесно-низменную, но реалистичную. На этой почве формировался культ чувственности. Особенно ярко чувственность приняла гротескные формы у француза Франсуа Рабле. Писатель создал чрезвычайный образ земного сладострастия: женщина забеременела от тени монастырской колокольни...

Культ телесных радостей пронизал творчество и итальянского гуманиста Джованни Боккаччо. Дж. Боккаччо прославился своим «Декамероном». Он воспевал многие и многие стороны любви.

Дж. Боккаччо не только поучал своих читателей, он по-своему стремился развить современного ему гражданина. Он обращался к своему читателю: «Рассказы эти, каковы бы они ни были, могут вредить и быть полезными, как то может все другое, судя по слушателю. Кто не знает, что для всех смертных вино – вещь отличная... а у кого лихорадка, тому оно вредно? Скажем ли мы, что оно худо, потому что вредит лихорадочным? Кто не знает,

* *Фр. courlois* – учтивый, вежливый.

что огонь очень полезен, даже необходим смертным? Скажем ли мы, что он вреден потому, что сжигает дома, деревни и города? Так же и оружие охраняет благополучие тех, кто желает жить в мире, и оно же часто убивает людей, и не по своей вредности, а по вине тех, которые злобно им орудуют. Ни один испорченный ум никогда не понял здраво ни одного слова, и как приличные слова ему не на пользу, так и слова не особенно приличные не могут загрязнить благоустроенный ум, разве так, как грязь марает солнечные лучи и земные нечистоты – красоты неба. Какие книги, какие слова, какие буквы святее, достойнее, почтеннее, чем Священное Писание? А было ведь много таких, которые превратили их понимания, сами себя и других увлекали в гибель» [22].

О свободе
художественного
слова и ханжестве

Дж. Боккаччо объяснял своему читателю, что свобода, которую он допускал в своих новеллах, происходила от требований замысла повествования – иначе нельзя их было рассказать. И далее: «Если, быть может, в них и есть малая доля чего-либо, какое-нибудь словцо, более свободное, чем прилично женщинам-святошам, взвешивающим скорее слова, чем дела, и тщющимся более казаться хорошими, чем быть таковыми, – то я говорю, что мне не менее пристало написать их, чем мужчинам и женщинам вообще говорить ежедневно о дыре и затычке, ступе и песте, сосиске и колбасе и тому подобных вещах. Не говорю уже о том, что моему перу следует предоставить не менее права, чем кисти живописца, который, без всякого укора, по крайности справедливого, не только заставляет св. Михаила поражать змея мечом и копьем, св. Георгия – дракона в какое угодно место, но изображает и Христа – мужчиной и Еву – женщиной, а Его самого, пожелавшего ради спасения человеческого рода умереть на кресте, пригвожденным к нему за ноги не одним, а двумя гвоздями. Кроме того, ясно можно видеть, что все это рассказывалось не в церкви, о делах которой следует говорить в чистейших помыслах и словах... и не в школах философии, где не менее потребно приличие, чем в ином месте... а в садах, в увеселительном месте...» [23].

Церковное, Богово
и светское

Дж. Боккаччо выделял многие стороны бытия человека, различая церковное, Богово и светское. Гений Дж. Боккаччо проявился в том, что он стремился в соответствии с библейскими заветами показать своим современникам многообразие проявлений жизни и учил воспринимать это многообразие без ханжества и жеманства.

Писатель своими идеями готовил сознание общества к пониманию многосторонности бытия человека.

Позднее в Европе произошел расцвет собственно эротизма и поэзии эротизма. В России не только стали переводить эротическую литературу и поэзию, но русские поэты и писатели сами создавали эротические произведения и сами создали отечественные традиции.

Безусловно, игровые новеллы Дж. Боккаччо почерпнуты из игровой народной культуры – народные сказки, песни, разговоры с прибаутками, фарсы, моралите, поговорки явились источником многих и многих литературных и поэтических произведений элиты.

От эротической поэзии до срамных историй

Если в Высших кругах Европы и России расцвела эротическая поэзия и литература, то простой народ тоже не дремал. В Европе были созданы баллады, в которых герои – простой люд, крестьяне, монахи, рудокопы, школяры, подмастерья. В балладах и песнях бурлит народная жизнь. Среди прочих историй – срамные истории, раскрывающие нечистоту показной нравственности. Вспомним, например, немецкие народные баллады [24].

Многие известнейшие произведения писателей сверкают своеобразным народным юмором, в котором по простоте душевной и одновременно с вызовом храбрецов, порой скабрено, непристойно, неприлично, грубо и смешно говорится о том, что тяготит своей закрытостью, своей ложью вокруг пресловутых «можно» и «нельзя».

В России мы также находим народные похабные, непристойные, бесстыдные частушки, прибаутки, сказки. Особое место занимают «Русские заветные сказки», собранные русским ученым Александром Николаевичем Афанасьевым и вышедшие отдельными выпусками с 1855 по 1863 год.

Заветные сказки русского народа

А. Н. Афанасьев, обращаясь к любителям русской народности, писал в своем предисловии к «Русским заветным сказкам»: «Наше издание даст повод ко всякого рода нареканиям и возгласам не только против дерзкого издателя, но и против народа, создавшего такие сказки, в которых народная фантазия в ярких картинах и нисколько не стесняясь выражения, развернула всю силу и все богатство своего юмора. Оставляя в стороне все могущие быть нарекания собственно по отношению к нам, мы должны сказать, что всякий возглас против народа был бы не только несправедливостью, но и выражением полнейшего невежества, которое по большей части, кстати сказать, составляет одно из неотъемлемых свойств кричащей pruderie*. Наши “Завет-

* Показная добродетель (франц.).

ные сказки” – единственное в своем роде явление, как мы сказали, особенно потому, что мы не знаем другого издания, в котором бы в сказочной форме была таким живым ключом неподдельная народная речь, сверкая блестящими и остроумными сторонами простолюдина» [25].

Народные сказки, частушки, пословицы, баллады, срамные истории, а также литературные и поэтические произведения элиты постепенно противопоставили православному осуждению чревоугодия и блуда, веселящую наглую вседозволенность. А некоторые слова, заменяющие знаковые пороки, придали сим страстям вид шаловливой веселой игры.

Неистребимость
идеи на право
сладострастия

Появляются идеи сладости наслаждения.

Гедонизм (от *греч.* – наслаждение) – учение, провозглашающее наслаждение высшим благом.

Начиная с древне-греческой философии и эпохи Возрождения и вплоть до наших дней, идеи о праве человека на наслаждение не уходят из поля нашего сознания и наших чувств.

Чревоугоднику, обжоре противостоит гурман – любитель и ценитель тонких, изысканных блюд. Гурман – слово, которое несет в себе совсем иные значения и смыслы, здесь скорее похвала.

Блуднику противостоит «настоящий муж», «любовник», «знаток женщин». У блудницы тоже есть свои противостояния.

Homo eroticus и
игры, изобретенные
дьяволом

В начале XIX века появляются мемуары Джакомо Казановы, венецианца, который живописует о том, как горячо, как искренне он предается любви. Его может остановить любая женщина с хорошеньким личиком, но остановить его навсегда невозможно. Как истый гедонист Джакомо Казанова считал, что если Господь наградил нас желаниями, то мы должны следовать им [26]. Легкость любовных приключений, праздность, игры, карнавалы превозносятся как философия и праздник жизни.

Ст. Цвейг называл Дж. Казанову *Homo eroticus*. И хотя Дж. Казанова усвоил игры, изобретенные дьяволом, – фараон, карты, бириби, кости, домино и др., но «магом и метром Казанова является только в любовной игре... Его тело словно специально создано для служения Цитере. Обычно скупая природа на этот раз расточительно, полной горстью, зачерпнула из тигля сочность, чувственность, силу и красоту, чтобы создать на радость женщине настоящего мужа, “mâle” – “дюжего мужчину” и “самца” – переводы как хочешь; сильный и вместе с тем эластичный, жестокий и вместе с тем пла-

менный экземпляр прекрасной породы, – массивное литье и совершенная форма... Это жеребец с плечами фарнезского Геркулеса, мускулами римского борца, смуглый красотой цыганского парня, силой напора и наглостью кондотьера и пылкостью растрепанного фавна. Его тело – металл; в нем изобилие силы; четырехкратный сифилис, два отравления, дюжина уколов шпагой, ужасные, мрачные годы в венецианской и вонючих испанских тюрьмах, неожиданные переезды из сицилийской жары в русские морозы ни на дюйм не уменьшают его потенцию и мужскую силу. Где бы то ни было и когда бы то ни было достаточно искры взгляда, физического контакта даже на расстоянии, одного присутствия женщины, чтобы воспламенилась и начала действовать эта непобедимая сексуальность» [27].

Ст. Цвейг указывал на «желания, которые не знают усталости» [28].

Вот именно: желания, не знающие усталости, – знаки философии гедонизма и позиция некоторой категории людей.

Можно назвать множество книг, которые разжигают страсти блуда. Среди них – живописания эротических приключений маркиза Д. А. Ф. де Сада [29].

Маркиз Донасьен Альфонс Франсуа де Сад, – французский писатель, философ, политический деятель, – известен своей скандальной славой сластолюбца, неистового сексуального монстра, извращенец, вошедший в историю европейской сексуальности.

Маркиз де Сад описывал прихоти любострастия с невероятным пылом. Он утверждал пыл страсти, провозглашал, что природа побуждает человека обращаться к голосу плоти. При этом он ратовал за то, что свист хлыста и стоны объекта сексуальных возжеланий подогревают чувственные радости. Он пытался раскрыть суть психики человека, где сплетены любовь и ненависть, сладострастие и боль. Сексуальный партнер может доминировать, соучаствовать и быть предметом жестокого обладания. Весь диапазон сексуальных отношений и чувств могут одарить приливом неизъяснимого блаженства.

Но личные удовольствия де Сада шли вразрез с социальными нормативами.

Сексуальные отклонения маркиза получили медицинское определение: *садизм* – алголагния активная – достижение полового удовлетворения путем причинения страдания сексуальному партнеру. С противоположной стороны психиатры поставили *мазохизм* –

Книги,
разжигающие
страсти блуда

Феномен
донжуанизма

получение сексуального удовлетворения через унижение и физические страдания.

Однако сам маркиз де Сад полагал, что он проповедовал культ плотской любви.

В литературоведении сформулировано понятие *донжуанизма*, которым обозначается эрос, соблазнение и обладание женщиной как сексуальным объектом. Отчужденность и жестокость мужского гедонизма Дон Жуана легла позднее в основу романов маркиза де Сада.

В эпоху романтизма Дон Жуан из развратника, заслуживающего осуждения, превращается в обаятельного молодого человека, одержимого сердечными порывами. Появляются новелла Э. Т. А. Гофмана «Дон Жуан», поэма Дж. Байрона «Дон Жуан» и много других произведений посвященных Дон Жуану.

А. С. Пушкин так же не оставил Дон Жуана без своего внимания.

Сила чувственных
желаний и сила
слова

Датский философ Сёрен Кьеркегор в эссе о Дон Жуане и Фаусте – «Или-или» предпочел силу чувственных желаний Дон Жуана перед силой слова Фауста [30]. Однако он же возлагал ответственность на себя за то, что позволил полюбить себя безумной страстью: «Итак, меня полюбили безумной страстью любовной. Что же – я был бы счастлив? Нет, я бы даже не принял такой любви, и не потому, что пренебрег бы ею – избави Бог! – я бы скорее решился взять на душу убийство, чем пренебречь любовью молодой девушки; я просто не допустил бы молодую девушку полюбить меня такой любовью и не допустил бы именно ради нее самой... Я не могу позволить молодой девушке забыть себя самой, повредить своей душе из-за любви ко мне» [31]. С. Кьеркегор далеко уходит в сторону от обсуждения донжуанства в своем стремлении осмыслить проблемы *выбора*.

В то же время можно вспомнить Джонатана Свифта [32] и много других авторов, которые блуд объявили основой самого гедонизма и поводом для его художественного осмысления.

Помимо книг есть
и другие искусства,
прославляющие
эротизм

Помимо книг есть и творения скульпторов и художников, начиная от индийской эротической скульптуры и греко-римских эротических мраморных скульптур и керамики до произведений современных художников и скульпторов.

В культуре
вращены идеи
воздержания,
возвышенной любви
и страстей

В нашей человеческой культуре, в Великом идеополе общественного сознания вращены *идеи воздержания и гедонизма, страстей блуда и возвышенной любви*. Между ними – вариации. Эти вариации касаются

ся каждого отдельного человека во времени его индивидуальной жизни...

Еще в начале XX века Е. Блейер, – один из самых выдающихся психиатров того времени – писал о том, что «мы прежде всего *стремимся* к переживаниям, связанным не с неудовольствием, а с удовольствием» [33]. Он полагал, что «самые различные желания могут существовать наряду друг с другом независимо от того, противоречат ли они друг другу, отвергаются ли они сознанием или нет» [34]. По существу, Е. Блейер указал на амбивалентную природу наших человеческих стремлений.

Каждый человек сам выбирает для себя сущностные ориентиры

Каждый человек, выстраивая для себя как личности ценностные ориентации на свою жизнь, исходит из многих определяющих его выбор сущностей: природной, социальной, психологической и духовной. Каждый человек при этом проявляет свою амбивалентную, феноменологически присущую ему сущность.

«Или–или» – акт выбора

Все мы такие разные... и каждый осуществляет свой исключительный выбор, исходя из своих противоречивых стремлений. Совершенно справедливо писал об амбивалентности человека, о выборе им своего собственного пути С. Кьеркегор: «Мое “или–или” обозначает главным образом не выбор между злом и добром, но акт выбора, благодаря которому выбирается или отвергается добро и зло вместе. Суть дела ведь не в самом выборе между добром и злом, а в доброй воле, в желании выбрать, чем само собой закладывается основание и добру и злу» [35]. И далее философ продолжает: «Итак, жизнь каждого, даже самого ничтожного индивидуума как бы раздваивается, делится на внутреннюю, душевную и на внешнюю, и общая история его жизни – которую все-таки имеет каждый индивидуум – является результатом не одних только свободных его деяний. Внутренняя, душевная жизнь индивидуума принадлежит ему одному, и никакая история в частности, никакая всемирная история вообще не должна касаться этой области, составляющей на радость или горе его вечную и неотъемлемую собственность. В этой-то именно области и царствует абсолютное “или–или” [36]. С. Кьеркегор писал о том, что человек разделяет свой выбор «или–или» и в последующем, сделав свой выбор, каждый стремится примирить совесть с совершенными деяниями. При этом великий датский религиозный мыслитель, писатель и поэт полагал необходимым условием *раскаяние* [37]. Реальное раскаяние не допускает абсолютного зла.

«Или–или»
постоянно
присутствует в
сознании человека

Проблема выбора в контексте «или–или», в контексте разделительного союза, является постоянно присутствующей в нашем сознании, в наших побуждениях, страстях и пленениях. Разделительное «или–или» обсуждается многими философами и психологами как заявляемая человеком проблема выбора, часто – проблема выбора из противоположного.

С блудом сопряжена
измена

Современные исследователи также рассматривают проблему выбора человеком пути, который приводит к опустошению нравственного чувства. Наряду с понятием *блуд* рассматривается понятие *измена*. Слово *измена* имеет значение предательства, вероломства по отношению к другому человеку или предательства по отношению к своим идеалам.

Измена начинается с помыслов – задолго до факта измены.

Возможно ли
договориться об
условиях любви

Опасными являются отношения, которые условно называются «любовью с условием»: «Я буду любить тебя, *если* ты будешь любить меня, *если* доставишь мне комфорт, *если* будешь меня ценить, *если* ты имеешь успех и влияние и т.д.». Очевидно, считает К. В. Зорин, движущим мотивом такой страсти является наше «Я» [38]. Оно жадно преследует свои чисто эгоистические цели и остро нуждается в самовосхвалении, саморекламе. Супруги, готовые испытывать взаимное влечение лишь на каких-то условиях, на самом деле любят не свою «половину», а самих себя. Попав в эту коварную ловушку эгоизма, люди обычно слишком поздно понимают, что их вовсе не любили, а просто использовали. Другая – «заслуженная любовь» – чревата соперничеством. Если человека любили, «потому что» он популярен, богат, красив, то он будет ревновать к тому, кто более популярен, богат, красив. Эта любовь вселяет тревогу, неуверенность и страх. Настоящая любовь – это любовь «несмотря на...», без всяких условий, оговорок и уточнений.

Уровни любви

Следует указать на понимание настоящей любви в трактовке В. Н. Карандашева. В. Н. Карандашев счел, что первый уровень любви – «эгоцентрическая» любовь. Любовь тешит самолюбие, удовлетворяет потребность быть значительным. Эта любовь – всего лишь источник удовольствий, счастья. Это то, что древние греки называли «*эрос*» – страстная любовь, жажда обладания любимым существом. Но и на уровне «кооперации» развитие любви не заканчивается.

Второй уровень любви – уровень «кооперации»; это соединение, связь: соединение жизненных миров

двух «Я», слияние душ; это слияние душ основано на психологическом сходстве и различии [39]. Сходство – основа нового комплекса «Мы», снова рождающейся новой совместной души. Любовь стремится к полному уничтожению расстояния между любящими, сливая их в единое целое. В то же время дружба, даже самая интимная, предполагает некоторую сдержанность, сохранение психологической дистанции между друзьями.

Третий уровень любви – «самоотверженная» любовь, или точнее любовь, готовая к самоотверженности. Это не обязательно самоотреченность. Предшествующие уровни и соответствующие переживания не отрицаются, а включаются, но самоотдача первична. Здесь В. Н. Карандашев пытается подвести нас к понятию *агапе*, однако он неточен в своем понимании.

Агапе как
возвышенная любовь

Агапе означает возвышенную любовь.

Традиционно понятие *агапе* используют в значении любви человека к Богу и через Бога к другому человеку.

В. М. Карандашев понимает потребность в самоотдаче как желание любящего раствориться в любимом. Он полагает, что любовь «потому что» или «при условии» сама по себе может не заканчиваться и переходить на новый уровень.

Понятие *агапе* весьма многозначно.

Следует отметить, что *агапе* (*агапе*) само по себе имеет множество трактовок. Начиная от древних греков и по сей день, люди по-разному заполняли слово *агапе* значениями и смыслами. Так, согласно Т. Д. Уорду, *агапе* может трактоваться как жертвенность, альтруизм, благодеяние, «любовь к ближнему» [40]. В. С. Мухина старалась не отходить от греческих значений и смыслов, когда обсуждала библейский текст о беседе Петра и Иисуса. Так, акценты делались на сущностно значимые, несущие разные смыслы слова – *агапе* и *филия*; в этом случае речь идет о разных сущностях любви [41].

Сострадание как
форма любви

С. Д. Пост рассматривал как форму любви сострадание [42]. При этом автор полагал, что сострадание активно, и предполагает, иначе говоря, не чувство «страдание», а «действие»: в нем мы раскрываем и отдаем себя. Согласно взглядам С. Д. Поста, любовь может принять форму «прощения». Другая форма любви – *забота*. Еще одна форма – *дружба*. *Исправление другого* – также любовь, если осуществляется без злобы. Однако главной автор считал *великодушную любовь* ко всем близким. Эта безграничная

Синкретизация
значений любви

любовь придает человеку смысл и достоинство, является основой его самооценки.

Сладострастие
и разврат

Вспомним, что древние греки понятие «любовь» соединяли со значениями высокой любви (*агапе, филиа*), с эросом, а также со сладострастием, блудом и развратом.

Н. А. Бердяев весьма четко разводит понятия *сладострастия* и *разврата*. Давая трактовку творчества Ф. М. Достоевского, он писал: «Сладострастие переходит в разврат. Разврат есть явление не физического, а метафизического порядка. Своеволие порождает раздвоение. Раздвоение порождает разврат, в нем теряется целостность. Целостность есть целомудрие. Разврат же есть разорванность. В своем раздвоении, разорванности и развратности человек замыкается в своем “я”, теряет способность к соединению с другим, “я” человека начинает разлагаться, он любит не другого, а самую любовь. Настоящая любовь есть всегда любовь к другому, разврат же есть любовь к себе. Разврат есть самоутверждение. И самоутверждение это ведет к самоистреблению. Ибо укрепляет человеческую личность выход к другому, соединение с другим. Разврат же есть глубокое одиночество человека, смертельный холод одиночества. Разврат есть соблазн небытия, уклон к небытию. Стихия сладострастия – огненная стихия. Но когда сладострастие переходит в разврат, огненная стихия потухает, страсть переходит в ледяной холод. Это с изумительной силой показано Достоевским. В Свидригайлове показано органическое перерождение человеческой личности, гибель личности от безудержного сладострастия, перешедшего в безудержный разврат. Свидригайлов принадлежит уже к призрачному царствию небытия, в нем есть что-то нечеловеческое. Но начинается разврат всегда со своеволия, с ложного самоутверждения, с замыкания в себе и нежелания знать другого. В сладострастии Мити Карамазова еще сохраняется горячая стихия, в нем есть горячее человеческое сердце, в нем карамазовский разврат не доходит еще до стихии холода, которая есть один из кругов Дантовского ада. В Ставрогине сладострастие теряет свою горячую стихию, огонь его потухает. Наступает леденящий, смертельный холод» [43].

Сладострастие
как элемент любви

По мнению Н. А. Бердяева, сладострастие, сохраняющее ценность, внутренне оправдано, оно входит в любовь, как ее неустранимый элемент. Но сладострастие раздвоенное есть разврат. Но разврат не есть первичное начало, губительное для личности. Он – уже последствие, предполагающее глубокие повреждения в строение человеческой личности. Он уже есть выражение распада личности. Распад же этот есть плод своево-

лия и самоутверждения. *Личность человека спешит к самоуничтожению, если от безудержного сладострастия своевольно скатывается в безудержный разврат, если своевольно стремится к самоутверждению, не желая знать другого и холодно отчуждаясь от него.*

Практически ту же мысль высказал К. В. Зорин: «Я поймел эту женщину», – полностью раскрывает сущность такой эротики. То, что ты “имеешь”, ты можешь “обменять”. Если мужчина “овладел” женщиной, он с легкостью “купит” себе другую... Беспорядочные интимные сношения калечат психику и личность, ориентируют на поиск фальшивых ценностей и ложного смысла жизни. *Упрощенные, примитивные сношения – ядро “психологии блуда”*» [44]. «Сексуальный угар» является извращенной формой нормального, естественного, Богом данного инстинкта продолжения рода.

Причины психологии разврата исследуют многие современные авторы.

В трактовке И. М. Кондакова психология «блуда» – это «донжуанизм» – психическое состояние мужчины, характеризующееся его стремлением к постоянной смене партнерши и неспособностью видеть в отношениях между мужчиной и женщиной ничего кроме телесного аспекта [45]. В соответствии с психоаналитической трактовкой такой отказ от духовного общения с женщиной обусловлен неосознанным желанием мужчины отомстить всем женщинам за отсутствие душевной теплоты у его собственной матери.

Ф. Риман полагал, что у разочаровавшегося в матери сына может развиться женоненавистничество: он мстит своим партнершам за перенесенное в детстве страдание, уподобляясь Дон Жуану, обольщавшему и затем покидавшему женщин, чтобы нанести им такую же боль, какую ему причинила мать [46]. Разочаровавшиеся в отце дочери мстят таким же образом мужчинам: у них развивается мужененавистничество и ложное представление о женской эмансипации – они требуют равенства из соображений мести и занимая при этом чисто женскую позицию.

Примерно такого же рода отношения С. Т. Агарков определил как «спортивный» секс, у женщин он называется мессалинизмом. Трактовку такого рода поведению автор не предлагает, но указывает, что в последние годы разрабатывается теория сексуальной аддикции (сексаголизма) – неодолимого влечения к сексуальным действиям наподобие алкоголизма или страсти к азартным играм [47]. Вероятно, этот феномен все же отлича-

Любовь к себе
и к другим

ется от «донжуанизма», это не месть, а «коллекционирование», «уровень реализации» или что-то еще.

Своеобразную трактовку сексуальным отношениям у нарциссических личностей приводят В. К. Кэмпбелл с коллегами. Авторы в названии своей работы ставят вопрос, ведет ли любовь к себе к любви к другим. По результатам исследований, в романтических отношениях нарциссические личности ищут статуса и самооценки, а не близости или заботы как таковой. Из разнообразных видов любви они предпочитают игру в любовь при высокой самооценке. Однако для них не типичны такие аспекты близких отношений, как дружба, доверие, агапе – самоотверженность в интересах партнера [48]. При этом «спортивный» секс не является серьезным отклонением, он отличается от патологической гиперсексуальности тем, что в последнем случае часто наблюдается промискуитет – беспорядочные половые сношения со случайными партнерами, включая гомосексуальные контакты и групповые формы. Наиболее гротескные формы приобретает гиперсексуальность в рамках психических заболеваний (эпилепсии, шизофрении, маниакально-депрессивного психоза) – сатириазис у мужчин и нимфомания у женщин. В отдельных случаях больные переезжают из города в город, ежедневно меняя десятки партнеров, организуют групповые оргии и полностью теряют контроль над своим поведением. Но в некоторых случаях феномен обусловлен физиологически, что наблюдается в юношеском возрасте, иногда в начале инволюционного периода («седина в бороду – бес в ребро»), а в течение всей жизни – как проявление сверхсильной половой конституции.

Во всех случаях блуда реально речь может идти об отсутствии душевной теплоты и любви у мужчины и женщины: несмотря на ценностное отношение к любви в человеческой культуре, реально не всегда случается любовь в жизни людей, не каждый способен на истинную любовь. Блуд происходит в отсутствии любви.

Многие люди – рабы
инстинктов

Следует вспомнить мысль Вильгельма Райха о существовании «большого числа людей, неспособных к возмужанию, находящихся во власти инстинктов. В действительности нет нужды сетовать на здоровые инстинкты. Напротив, они обогащают и придают глубину жизни. Они взывают к сильной личности» [49]. Но инстинкт становится в тягость себе, когда человек утрачивает контроль над ним и превращается в его игрушку, в его раба.

Духовное начало господствует в человеке, когда он подавляет роковое влечение инстинктов.

«Мы живем
в большое время» ...

В. Райх писал: «Мы живем в большое время. В былые времена от эроса требовалась дисциплинированность и ответственность. Теперь мы полагаем, что современный человек больше не нуждается в дисциплинированности. При этом мы не замечаем, что современный человек, проживающий в большом городе, отличается большей робостью, ослабленной волей и поэтому нуждается в дисциплине.

Оглянитесь вокруг, и вы увидите, что в нашем обществе правит не разум, а необузданное влечение. В среде нашей молодежи господствуют неконтролируемые половые влечения, которые приводят к нравственному вырождению ... повсюду царит непристойность. Кто может сказать, сколько здоровых радостей лишается молодежь в большом городе благодаря рассадникам заразы – дансингам*, кабаре, бильярдным и непристойным фильмам. Современный молодой человек считает себя очень умным, когда исповедует гедонизм. Однако в действительности о нем можно сказать словами гетевского Мефистофеля:

“Он называет это разумом, используя свет небесный,
Чтобы превзойти животных в скотстве”.

Две вещи затрудняют процесс возмужания: большой город с его ненормальными условиями и демон в нас самих» [50].

Процесс возмужания
затрудняет демон
в нас самих

Психолог писал о том, что две вещи затрудняют процесс возмужания: большой город с его ненормальными условиями (увлекательные зрелища, эротические книги, журналы, спиртные напитки, вызывающе одетые женщины и др.) и демон в нас самих, который всегда готов уступить искушениям. В душе каждого человека «существует чулан, в котором воют дикие собаки» в ожидании, когда их выпустят на волю. Многие падают жертвой компульсивной** безнравственности.

В психологии есть понятие «компульсивная личность», отличительные черты которой – поведенческая ригидность, чрезмерный контроль эмоций и старательное подчинение правилам и авторитетам [51]. В. Райх писал о принудительной безнравственности, которая проистекает из-за внутренней готовности человека к искушениям.

Эрик Эриксон, описывая трагедии личности на разных возрастных этапах, справедливо указывал на то,

* Дансинг (*англ. dancing* – танцевальный) – за рубежом – зал для танцев, обычно при ресторане.

** Compulsion (*англ.* – принуждение).

что «сам человек творит свою окружающую среду, сам живет в ней и сам же судит свое поведение» [52] (выделено авторами – В. М. и А. Х.). Именно это мы имеем в виду, когда говорим об определяющем значении внутренней позиции по отношению к условиям жизни и к представлению о своей собственной личностной сущности [53]. Это видение человека в мире не ново.

Хосе Ортега-и-Гассет утверждал: «Я существую для мира и мир существует для меня». Если обратиться к истории философской мысли, то мы найдем множество суждений о человеке как субъекте своей жизни, ответственным за себя и за общество в целом [54]. В христианстве неизменно речь идет о свободе и о совести: «К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти ...» (Гал. 5:13).

Вновь мы вынуждены обратиться к проблеме угождения плоти: блуд безусловно человеческий порок, который воспроизводится людьми из поколения в поколение.

Мы говорим о том, что *блуд происходит в отсутствии любви*.

Блуд проституции
как социальное
явление

Среди прочего «блуда» надо выделить проституцию, которая рассматривается прежде всего как социальное явление. По мнению В. В. Парцвания-Чарая, только из-за социальных причин, необеспеченности и зависимости женщина вынуждена идти на крайние социальные поступки. Такого рода социальное принуждение впоследствии приобретает сущность отчужденного социального явления и способствует формированию определенного слоя, группы населения (особенно женщин), ориентированных на особую форму заработка – через проституцию [55]. При этом отчуждение остается на межличностном уровне: мужчины рассматривают женщин как средство – в этом случае говорить о реальных отношениях в плане взаимоотношения полов не приходится. Действительная радость половой близости при этом отчуждена от своей естественной сущности.

Типология бабников

В свою очередь М. И. Рипинская анализировала феномен «бабников». Применительно к мужчинам общую категорию «бабников» она делит на несколько типов [56]. Это просто «феноменологические описания». «Бабниками» иногда называют определенный тип мужчин, отличающихся выраженным внешним непостоянством. «Бабники» непоседливы, оптимистичны, веселы. Они весьма легки в общении и необидчивы. В сексуальных контактах бабники торопливы, активны, но... порой несостоятельны. Они умеют рекламировать себя, в этом отношении они сходны с нарциссическими лич-

ностями. Донжуан в трактовке автора отличен от «бабника» тем, что у него иная задача; важно во что бы то ни стало «охмурить» как можно больше женщин. Чем труднее «объект», чем труднее дается победа, тем Донжуану интереснее. «Дамские угодники» – самые безобидные из всех обольстителей. Все их домогательства носят лишь показной характер. «Дамские угодники» вовсе не рассчитывают на «постель». Наоборот, страшно пугаются, если дама, принявшая ухаживания всерьез, сама предлагает «завершение сценария».

Женские измены:
объясняет женщина

М. И. Рипинская исследовала также причины женской измены [57]. Первопричина – обида; женщина «готова» к измене, если ее брак не ладится. При этом она «вовсе не ищет связи на стороне», как принято думать, а лишь восполняет недостающий психологический пробел. Возможно, что в основе такой измены лежит желание проверить себя и самой себе доказать, что она еще на многое способна. Случается, что вступить в сексуальную связь женщину побуждает не «бешеное желание», а то, что «кавалер» ее настойчиво домогается. Иногда причиной становится любопытство. Женщина может «заиграться» во флирт или кокетство. Женщина может искать Идеального Любовника. И это не обязательно супермен в постели. Достаточно, если он просто мягок, нежен, деликатен и умеет сопереживать. Эти качества любовника многие даже суперактивные женщины предпочтут всем изыскам отчаянных донжуанов. Для большинства женщин любовник – это «шаг отчаяния». Иногда женщина решается завести любовника, чтобы отомстить мужу-изменнику.

Однако М. И. Рипинская не указала еще одной причины: есть женщины, склонные к полигамии, женщины у которых недостает нравственных чувств для того, чтобы контролировать свои сексуальные запросы. Собственно такие женщины подобны всем категориям полигамных мужчин.

Женские измены:
объясняет женщина

Исходя из видения этой проблемы Ю. Щербатых (также женщина) трактует женские измены. Автор описывает как вполне типичный случай одновременной связи женщины с несколькими мужчинами [58]. При этом каждая из этих связей описывается не как измена, а как гармоничные (по-своему) отношения: «Дело в том, что трое моих мужчин дополняют друг друга до придуманного мною образа идеального мужчины, которого в природе, очевидно, нет. Первый – талантливый актер, интеллектуал. Для меня он – любовник и “отец-воспитатель” одновременно. Он научил меня всему, что должна знать светская дама... Второй – бизнесмен, мой спон-

сор. Часто я “работаю лицом его фирмы” на приемах и вечеринках. Здесь я максимально использую то, чему научил первый... Я выступаю здесь не “девочкой-презентом”, а референтом, коллегой, подругой – в зависимости от обстоятельств... Третий – мой ровесник, студент, без денег, без положения, зато красивый и сильный как жеребец. От него я черпаю веселость, беззаботность, непосредственность – то, что так восхищает первого и второго. Таким образом, здесь измены не шаг отчаяния, или что-то еще, а поиск идеала, отчасти также “самореализация” и “саморазвитие”».

Измена как доказательство личного существования: объясняет женщина

А. Лоусон (снова женщина), анализируя причины измен, приходит к выводу о том, что мужчины и женщины чаще всего указывают на сексуальное удовлетворение как на безусловную пользу или «результат» [59]. Но более глубокий анализ показывает, что указания на «пользу» измены вовсе не отражают мотивации. Так сексуальное удовлетворение важно не само по себе, такого же удовлетворения можно получить мастурбацией. Оргазм при измене – это доказательство личного существования, свободы и независимости (прежде всего для мужчин). Для женщин равноценно желание «быть любимой» и «нужной или желанной». Продолжает список мотивации к измене (как у мужчин, так и у женщин, но с разной значимостью) дружба или отношения (или «сексуальная дружба»), понимание. Ощущение «приятного риска» как мотивация объясняется тем, что измена несет в себе определенную социальную рекреацию – она может быть романтической, драматичной. Развлечение и игра как мотивация объясняется тем, что брак рассматривается как работа, измена – как сексуальное развлечение и игра. Иногда встречаются необычные мотивации, например, женская мотивация измены «дать ему жизнь». Мотивация «интеллектуального развития» основана на стремлении иметь интересного любовника.

Провокации измены

Измена – предательство, вероломство, нарушение верности. Измена в сексуальных отношениях может провоцироваться желанием мести, смертью родителей, болезнью супруга. Измены провоцируются возрастными и личностными кризисами, иными обстоятельствами. Факт измены разрушает целостность личности и целостность отношений двух людей. Измены могут случаться в индивидуальной истории человека, но целостный человек, страдая от происшедшего, стремится вернуть себя в русло своих ценностных представлений о должном.

Измена не сопряжена с блудом как таковым, изменивший может оставаться нравственным.

Словоблудие
и черное слово

Блудливый – всегда похотлив и распутен. Помимо блуда как телесного проявления любодейства, человеку свойственно заниматься так называемым *словоблудием*.

В народе давно и повсеместно используется «красное словцо», по сути своей оно «черное слово», которое сопутствует обыденной речи. Это и заковыристые обороты и присловья. Это и просто мат. Это русские эротические сказки и частушки [60].

Но и среди образованного слоя можно встретить интерес к срамным словам.

Многие среди грамотных людей знают имя Ивана Баркова – автора непристойных стихов, поэм и пьес [61]. Произведения И. Баркова не оставили безразличным М. Ломоносова, юного А. Пушкина и его современников – товарищей по лицу.

А. С. Пушкин посвятил И. Баркову балладу.

...Явилась тень, идет к нему
Дрожащими стопами,
Сияя сквозь ночную тьму
Огнистыми очами.

А. Пушкин. «Тень Баркова»

Мы хорошо знаем, что у А. С. Пушкина было весьма вольное обращение с любым словом, даже со срамным и черным. Ему не уступал в этом отношении Александр Полежаев [62].

Поэма Александра
Полежаева
ориентирована
на язык городских
низов

Александр Иванович Полежаев родился в начале XIX столетия. Он был «незаконнорожденный» и рано узнал двусмысленность своего положения. Однако А. Полежаев учился в Московском университете и общался с разночинно-демократической молодежью. Рождение от крепостной матери и грубого деспота помещика отца, проживание в усадьбе среди дворовых и прорыв в сферу общения с образованным окружением сформировали у А. Полежаева непростое видение жизни. Он создал поэму «Сашка», в которой бичуется духовное рабство, лицемерие ханжей. В поэме герой сознательно противопоставлен Евгению Онегину.

Связь с А. С. Пушкиным ощутима с первых строк «Сашки»:

Мой дядя – человек сердитый...

Язык поэмы ориентирован на разговорную речь городских низов. Поэтому читатель должен быть подготовлен к восприятию издания, выпущенного издательством художественной литературы.

В эпилоге читаем:

Друзья, во несколько деяний
Из жизни Сашки моего...

Быть может, град ругательств, брани,
Как дождь, посыплет на него.
И на меня, как корифея
Его распутства и бесчинств,
Нагрянет, злобой пламенея,
Какой-нибудь семинарист...
Но я их столько презираю,
Что даже слушать не хочу,
И что про Сашку вновь узнаю, –
Ей-ей ни в чем не умолчу [63].

Стилистика поэмы и ее настрой понятны через анализ социальных условий, в которых находились ее герои и внутренней позиции самого поэта.

Грехи словоблудия и сквернословия

Помимо названных поэтов и собирателей сказок, частушек и поговорок, существует еще множество приблудившихся к жанру его почитателей.

Словоблудие, сквернословие, буесловие или кощунство – грехи блуда. Словоблудие как и сквернословие – речь, наполненная неприличными словами, непристойными выражениями, бранью.

Сквернословие может быть заразительно.

Сквернословие может быть привлекательным для социально незрелых подростков и взрослых. Оно содействует ощущению своей инаковости, своей обособленности от нормативности социальных ожиданий.

Сквернословие подростков и маргиналов знаменует собой тип общения в особых референтных группах, недопустимый среди другого круга людей. Маргиналы часто бравируют своим сквернословием, однако реально это показатель недостаточности речевой и общей культуры, показатель личностных дефектов.

Есть категория образованных людей, оправдывающая присутствие в речи сквернословия

И сегодня есть специалисты, оправдывающие присутствие в обыденной и литературной речи скверных слов. Сквернословие – речь, наполненная неприличными словами, непристойными выражениями. Безусловно, в сквернословии есть эмоциональная составляющая, но прежде всего в сквернословии есть мощное уничижающее начало, которое унижает достоинство не только нечаянного слушателя, но другого сквернослова, участвующего в этом срамном диалоге. Недаром говорят, что «от сквернослова уши вянут». Но не только уши: сквернословие отчуждает человека от самого себя и от других.

Сквернословие означает отсутствие сдерживающих начал, внутреннюю готовность унижить другого, насмеяться над реальными ценностями общения и доверия людей друг к другу. Готовность осквернить словом и

Слово – особый дар
и лихомание

стоящим за ним отношением к другому говорит о несостоятельности того, кто сквернословит.

Слово обладает большими потенциальными возможностями: с одной стороны, это дар, исключительная способность человека выражать гласно свои мысли и чувства, с другой стороны, это проклятье, исключительная способность человека выражать злую похоть и лихомание. Слово – знак нашего внутреннего мира.

Словесный блуд и сегодня разъедает нашу обыденную речь в быту или в «собрании интеллигентов», где черное словцо, оценивается как семантический язык, многоплановость особым образом взыскующей персоны...

Иногда «интеллигенты» раскаиваются в своем словоблудии, но затем снова потворствуют своей распущенности.

И все-таки: стремление к выбору, раскаяние в случае неудачного выбора не освобождают человечество от интереса к любодейству и словоблудию. Дух блуда вводит человека в заблуждение, опустошает его нравственное чувство и отчуждает его от духовных идеалов, от самого себя и от других.

Блуд привлекает
нравственно
незрелых

Зная об уничижительной стороне блуда, его социальном неодобрении, подросток и просто социально и нравственно незрелый человек могут с интересом слушать о блуде других людей, подсматривать, читать книги, смотреть киноленты и смаковать сцены блуда. При этом этот социальный инфантил, приближаясь к запретному, может позавидовать блудящим. Блуд других провоцирует помыслы незрелых душ и в этом проявляется личностная и социальная дезорганизация.

Любодейство и
словоблудие –
вариант
аддиктивного
поведения

Любодейство и словоблудие мы склонны рассматривать как вариант аддиктивного поведения. Неудержимое стремление к телесной, душевной и духовной распущенности приводит человека к деструктивному поведению и к деструктивизации его нравственных ценностных ориентаций. По существу, человек, занявший позицию распутника и словоблуда, становится циничным и отчужденным не только от других, но и от самого себя, ибо всякий блуд вводит человека в заблуждение и лишает его личностной свободы.

Блудник – всегда частичная, парциальная личность.

Блуд опустошает нравственное чувство. Блуд является пороком культуры и пороком каждого конкретного человека.

1. *Св. Иоанн Кассиан Римлянин. Обзорение духовной брани // Добротолюбие. – Т. 2. – М., 1994. – С. 37.*
2. *Св. Иоанн Кассиан Римлянин // Там же. – С. 42.*
3. *Там же. – С. 46.*
4. *Там же. – С. 47.*
5. *Преп. Нил Синайский. Аскетические наставления // Добротолюбие. – Т. 2. – М., 1994. – С. 250–253.*
6. *Там же. – С. 252.*
7. *Св. Ефрем Сирианин. Подвижнические наставления // Добротолюбие. – Т. 2. – М., 1994. – С. 407.*
8. *Св. Иоанн Лествичник. Подвижнические уроки // Добротолюбие. – Т. 2. – М., 1994. – С. 553.*
9. *Там же. – С. 553.*
10. *Там же. – С. 558–559.*
11. *Там же. – С. 559–560.*
12. *Там же. – С. 561.*
13. *Зорин К. В. Гены и семь смертных грехов. – М., 2006. – С. 32–33.*
14. *Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор: Соч. – Т. 5. – М., 1953. – С. 311–355.*
15. *Спиноза Б. Этика: Соч. в 2 т. – Т. 1. – СПб., 1999. – С. 336.*
16. *Там же. – С. 342.*
17. *Там же. – С. 335.*
18. *Платон. Тимей // Собр. соч.: В 4 т. – Т. 3. – М., 1994. – С. 498, 499.*
19. *Платон. Законы // Собр. соч.: В 4 т. – Т. 4. – М., 1994. – С. 289.*
20. *Платон. Там же. – С. 290.*
21. *Аристотель. Никомахова этика // Соч. в 4 т. – Т. 4. – М., 1984. – С. 87, 150, 153.*
22. *Боккаччо Дж. Декамерон. – М., 2004. – С. 693.*
23. *Боккаччо Дж. Декамерон. – М., 2004. – С. 692–693.*
24. *Немецкие народные баллады: Пер. с нем. – М., 1959.*
25. *Русские заветные сказки: Собрал А. Н. Афанасьев. – М., 1992. – С. 5.*
26. *Казанова Дж. Дж. Мемуары. – М., 1991. – С. 22.*
27. *Цвейг Ст. Казанова // Джованни Джакомо Казанова. Мемуары. Стефан Цвейг. Казанова. – М., 1991. – С. 263–264.*
28. *Там же. – С. 264.*
29. *Сад Д. А. Ф. де. Графиня де Сансер, или соперница собственной дочери // Сад Д. А. Ф. де. Соперница собственной дочери и другие истории // Д. А. Ф. де Сад. Марсель Тинэр. – М., 1993.*

30. *Кьеркегор С.* Или-или // Петер П. Роде Серен Кьеркегор, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни. – Челябинск, 1998. – С. 320.
31. *Там же.*
32. *Свифт Дж.* Эротические приключения в некоторых отдельных частях света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей. – СПб., 2005.
33. *Блейер Е.* Аутистическое мышление. – Одесса, 1927. – С. 16.
34. *Там же.* – С. 19.
35. *Кьеркегор С.* Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал // Роде Петер П. Сёрен Кьеркегор, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни. – Челябинск, 1998. – С. 287.
36. *Там же.* – С. 295–296.
37. *Там же.* – С. 296.
38. *Зорин К. В.* Вино блуда. И будут два одною плотью... – М., 2008. – С. 78–84, 92–93.
39. *Карандашев В. Н.* Об искусстве жить и умирать: опыт психологического бессмертия. – Вологда, 1995. – С. 147–148, 154–155.
40. *Oord T. J.* The Love Racket // The Altruism Reader: Selections from Writings on Love, Religion, and Science / Compiled and Edited by T. J. Oord. – West Conshohoken: Templeton Foundation Press, 2008. – P. 10–28.
41. *Мухина В. С.* Личность: Мифы и реальность. – М., 2010. – С. 131–132.
42. *Post S. G.* Progress through Love // The Altruism Reader: Selections from Writings on Love? Religion, and Science / Compiled and Edited by T. J. Oord. – West Conshohoken: Templeton Foundation Press, 2008. – P. 370–373.
43. *Бердяев Н. А.* О Достоевском // Эрос. Философские маргиналии проф. П. С. Гуревича. – М., 1991. – С. 87–88.
44. *Зорин К. В.* Вино блуда. И будут два одной плотью... – М., 2008. – С. 78–79.
45. *Кондаков И. М.* «Донжуанизм» // Клиническая психология. Словарь // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах. – М., 2006. – С. 187.
46. *Риман Ф.* Основные формы страха: Исследование в области глубинной психологии. – М., 2005. – С. 152–153.
47. *Агарков С. Т.* Гиперсексуальность // Клиническая психология. Словарь // Психологический лекси-

кон. Энциклопедический словарь в шести томах. – М., 2006. – С. 185.

48. *Campbell W. K., Foster C. A., Finkel E. J.* Does Self-Love Lead to Love for Others? A Story of Narcissistic Game Playing // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2002. – Vol. 83, № 2. – P. 342.

49. *Райх В.* Психология масс и фашизм: Пер. с англ. – СПб., 1997. – С. 167.

50. *Там же.* – С. 167.

51. *Миллон Т.* Комппульсивная личность / Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. – 2-е изд. – СПб., 2003. – С. 310.

52. *Эриксон Э.* Трагедия личности. – М., 2008. – С. 62.

53. *Мухина В. С.* Личность: Мифы и реальность. – М., 2010. – С. 48–315; 739–955.

54. *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия. – М., 1991. – С. 146–163.

55. *Парцвания-Чарайя В. В.* Генеалогия отчуждения: от человека абстрактного к человеку конкретному. – СПб., 2002. – С. 276–277.

56. *Рипинская М. И.* Психология измены. – СПб., 2001. – С. 16–19.

57. *Там же.* – С. 97–98.

58. *Щербатых Ю.* Психология любви и секса. – М., 2008. – С. 112–113.

59. *Lawson A.* Adultery. An Analysis of Love and Betrayal. – Oxford (UK): Basil Blackwell, 1989. – P. 202–207.

60. Русские заветные сказки: Собрал А. Н. Афанасьев. – М., 1992; Озорные частушки (с «картинками»). – СПб., 1992.

61. *Барков И.* Лука Мудищев и срамные песни. – М., 2002; Лука Мудищев. Эротические стихи и сказки. – М., 2002.

62. *Полежаев А. И.* Сашка // *Сочинения*. – М., 1955. – С. 189–211.

63. *Там же.* – С. 211.
